

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Маленькая Аннетта. Французская народная сказка

В давние времена жила–была девушка. Когда ей минуло пятнадцать лет, она лишилась матери, а на следующий год её отец взял себе в жёны вдову, у которой были три дочери. Все три сидели дома и лентяйничали, а бедная Аннетта целый день проводила в поле и пасла овец. Вечером, когда она возвращалась домой, ей не давали передохнуть, заставляли мыть посуду, хоть не она её пачкала, — ведь Аннетте никогда не случалось есть из тарелки. Каждое утро ей клали в карман кусок чёрствого хлеба, чтобы она обедала в поле, не возвращаясь домой, да и то мачеха старалась дать ей горбушку; не удивительно, что бедную девушку зачастую мучил голод.

Однажды, съев свой скудный обед и запив его водой из ручья, которую она зачёрпывала горстью, молодая пастушка начала размышлять о том, как печально идёт её жизнь.

«Совсем было иначе, пока жила моя мать. Она–то заботилась о том, чтобы я не терпела ни холода, ни голода; она меня любила, и как она была со мной нежна и ласкова!»

Вспомнив о прошлом, пастушка расплакалась, но вдруг сквозь слёзы, застилавшие ей глаза, она увидела прекрасную женщину с милым и добрым лицом. То была фея.

— Что с тобой, дитя моё? — спросила фея.

— Увы, госпожа! Я плачу, потому что вспомнила мою добрую матушку.

– Знаю, знаю — ты потеряла мать, и теперь ты несчастна: но потерпи, я позабочусь о тебе и облегчу твою долю. Для начала вот тебе палочка: каждый раз, когда тебе захочется есть, тебе только нужно будет чуть тронуть ею твоего чёрного барана.

Фея–покровительница исчезла, прежде чем девушка успела ее поблагодарить. Пастушка захотела как можно скорее испробовать силу палочки; она коснулась ею чёрного барана, и в тот же миг перед ней встал накрытый столик, на котором были всевозможные кушанья; она вволю поела и не забыла также свою верную собаку, которая усердно помогала ей стеречь стадо. Так случалось изо дня в день: стоило только пастушке захотеть, и ей мгновенно подавались блюда обильнее и лучше, чем у самого короля. Вот и вышло, что из худой и слабой она стала крепкой и полной и теперь прямо–таки сияла здоровьем. Мачеха, по–прежнему державшая её впроголодь, надивиться не могла тому, как девушка с каждым днём толстела. Она почувяла здесь неладное.

— Мари, — сказала она старшей своей дочери, — ты пойдёшь вместе с пастушкой в поле. Посмотри хорошенько, что она там ест, и все в точности расскажи мне; но только виду не подавай, что ты неспроста пошла, старайся, чтобы она ни о чём не догадалась.

Мари пошла с Аннеттой, которая обошлась с сестрой лучше, чем та обращалась с ней дома: она сплела ей корзиночку из ивовых прутьев и собрала для неё красивый букет полевых цветов. Но дочка вдовы не привыкла долго ходить по полям, она скоро утомилась и села отдохнуть на траву.

— Сядь возле меня и положи голову мне на колени, я тебя причешу,— сказала Аннетта сестре.

Пастушка догадывалась, что девочку послали подсматривать за ней; поэтому, расчесывая ей волосы, она стала тихонько напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой! Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Она все пела да пела, пока Мари не одолел сон. Пастушка тем временем успела покушать; она хорошенько подкрепилась, а Мари ничего не заметила.

— Ну как, Мари, — спросила мачеха, когда дочь вернулась, — можешь ты мне рассказать, что это за еда, которая так идёт впрок Аннетте?

— Уверю вас, матушка, я видела, что она ела только свой чёрствый хлеб, а пила одну воду из ручья.

– Иди спать, лентяйка! Твоя сестра лучше сумеет всё разведать. Фаншетта, слушай, что я тебе скажу: завтра ты встанешь чуть свет и пойдешь с Аннеттой в поле; посмотри, что она делает, и расскажи мне, что она ест.

— Хорошо, матушка, я за всем услежу.

Но с Фаншеттой случилось то же, что с её сестрой: она заснула и ничего не увидела. Мать разбранила и её.

— Бьюсь об заклад, обе эти лентяйки там заснули. Ну, да на сей раз все будет по–другому. Лизетта, козочка моя, поди к своей матушке. Завтра ты отправишься с Аннеттой в поле; если устанешь — усни, закрой один глаз, а то и оба, только не закрывай тот, который я тебе вставлю в затылок. Плохо тебе придётся, если ты не исполнишь моего поручения!

Лизетта обещала матери, что все приметит. Когда она устала бегать, она положила голову Аннетте на колени, а та принялась, как и прежде, напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Но она не знала, что у Лизетты был третий глаз: он–то остался открытым и подсмотрел, что делала Аннетта, когда ей понадобился столик, уставленный всякими вкусными вещами. Лизетта не замедлила рассказать матери обо всем, что видела.

— Ах, матушка, не удивительно, что пастушка так жиреет, — ей живется лучше, чем нам. Каких только лакомств не доставляет ей чёрный баран!

Мачехе стало завидно, что падчерице такое счастье выпало на долю, и она решила — не бывать этому! Она легла в постель и прикинулась больной.

– Мне думается, я умру, — сказала она мужу, — но я знаю средство, которое могло бы меня вылечить.

– Скажи, скажи скорее, жёнушка, мы всё достанем.

– Мне хочется поесть мяса чёрного барана.

– Только–то? Ну, это желание легко исполнить! Что чёрный баран, что белый, — мне всё равно: я его зарежу.

Аннета слышала весь разговор, и пока хозяин точил большой нож, прокралась на двор, а оттуда — в овчарню.

– Чёрный мой барашек, убежим поскорее! Тебя хотят зарезать!

– Э, не бойся! Не перечь им, пусть они меня убьют, так надо. Ты одно только сделай: добудь мою печень и зарой ее в саду.

Аннетта долго плакала; но она ничего не могла поделать, пришлось ей примириться с тем, что её чёрного барана зарезали. Мачеха и её дочери угостились им на славу. Болезнь у мачехи словно рукой сняло, — теперь–то она была уверена, что насолила безответной падчерице. Злорадно попотчевала она девушку жарким из чёрного барана. Но ей жалко было дать Аннетте какой–нибудь лакомый кусок, и она отдала ей печень: — На, возьми, хватит с тебя!

Аннетте только это и нужно было. Она сделала так, как ей велел баран, и на том месте, где она зарыла печень, выросло дерево. Оно было такое высокое, такое высокое, что, даже приставив к нему самую длинную лесенку, нельзя было добраться до ветвей, и такое гладкое, что ни один человек не мог взобраться по стволу хотя бы до половины. Прекрасные плоды, созревавшие на нём, прельщали каждого, но приходилось только любоваться ими. Одна лишь Аннетта могла их срывать, потому что ветви сами склонялись для неё, и ни для кого другого.

Как–то раз проезжал в тех местах королевский сын и увидел эти прекрасные плоды. У него потекли слюнки — уж очень они ему показались заманчивыми, но никто не смог сорвать их. Однако королевскому сыну так сильно хотелось их отведать, что он дал слово взять в жёны дочь любого человека, который сумеет их добыть для него. Все отцы, все матери захотели попытать счастья; дочери и сами старались добраться до плодов. Но не тут–то было! Это никому не удавалось.

Мачеха Аннетты, лелеявшая для своих дочерей честолюбивые замыслы, решила, что она хитрее всех. Она заказала предлинную лестницу и приставила её к дереву, но всё же лестница на несколько футов не доходила до нижних веток. Мачеха залезла на самую последнюю ступеньку, поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до висевшего над её головой плода, опрокинулась, упала навзничь и сломала себе шею. Тут и ей самой и всей её злости пришёл конец!

Этот случай отвадил всех честолюбцев!—никто уже не пытался карабкаться по лестнице или взбираться по стволу. Однако принца томило такое сильное желание, что опасались, как бы он не заболел. Тут маленькая Аннетта соблаговолила сжалиться над ним. И едва только она приблизилась к дереву, ветки стали клониться, пока не пригнулись так низко, что она смогла их коснуться. Аннетта набрала полную корзину плодов и снесла больному принцу. Легко угадать, какая награда досталась ей за этот драгоценный подарок: она стала женой принца и жила с ним в счастье и довольстве до конца своих дней. Вот и всё.